

НУЛЕВОЙ НЕГАТИВ

Валерия Дячинская

Нулевой негатив

<https://litres.ru/74645204>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нью-Йорк. 2026 год. Город, где реальность — это безупречный монтаж, а твоя жизнь — всего лишь удачный дубль.

Джулиана работает судебным фотографом в морге «Святого Иуды». Она привыкла видеть мир через объектив, веря, что камера не лжет. Но когда в её руки попадает плёнка из прошлого, на которой запечатлено её собственное будущее, декорации Нью-Йорка начинают осыпаться.

Мир вокруг — это Архив, глобальная система контроля, где ошибки прошлого стираются «мастерами проявки», а неугодные люди превращаются в цифровой шум. Джулиана обнаруживает, что она — не просто человек, а «Нулевой негатив»: уникальное создание из серебряной эмульсии и памяти, способное видеть «швы» на ткани мироздания.

Преследуемая Марком — идеальным агентом системы — и ведомая таинственным Томасом, человеком из своего забытого детства, Джулиана должна пройти путь от холодных столов морга до сияющих пустот Гранд-Централа. Успеет ли она проявить финал до того, как Архив нажмет кнопку «Удалить»?

Валерия Дячинская

Нулевой негатив

Пролог

Нью-Йорк. Ноябрь, 1991 год.

Снег в этом городе никогда не ложился чистым покровом. Он падал на асфальт и тут же смешивался с копотью, превращаясь в серую кашу под колесами желтых такси.

Человек в сером пальто стоял у окна заброшенного печатного цеха в Квинсе. Внутри пахло старой типографской краской и сыростью. Он не включал свет — ему хватало мертвенного сияния уличных фонарей, пробивавшегося сквозь грязные стекла.

На рабочем столе, среди банок с химикатами и пустых катушек, лежала разложенная серия снимков. На них была женщина. Она улыбалась, глядя в объектив, еще не зная, что этот объектив — прицел.

— Ты слишком долго возишься с проявкой, — произнес голос из тени. Голос был сухим, как треск старой киноплёнки.

Человек со шрамом на брови не обернулся. Он медленно погрузил щипцы в ванночку с фиксажем, вытягивая очередное изображение. На белой бумаге, словно призрак из тумана,

на, проступало лицо. Его лицо.

— Серебро не терпит спешки, — ответил он, вешая мокрый снимок на прищепку. — Если вытащить его слишком рано, изображение исчезнет. Если передержать — почернеет. Нужно поймать момент, когда истина застывает между светом и тенью.

— Город меняется. Скоро всё станет цифровым. Нули и единицы. Память станет вечной и дешевой, — человек в тени сделал шаг вперед, и свет фонаря на мгновение выхватил тяжелые золотые часы на его запястье. — Нам больше не нужны будут такие, как ты. Свидетели, которые умеют «чувствовать» кадр.

Человек у стола наконец повернул голову. Его глаза в полумраке казались двумя провалами, лишенными дна.

— Цифра не хранит душу, — тихо сказал он. — Она хранит только информацию. А пленка... пленка помнит страх. Она впитывает его вместе с химией. Ты хочешь, чтобы я закончил работу?

— Я хочу, чтобы эта история исчезла. Вместе с ней. И со всеми, кто когда-либо увидит эти негативы.

Человек со шрамом посмотрел на свои пальцы, испачканные в проявителе. Эти пятна никогда не смывались до конца.

— Ничто не исчезает бесследно в Нью-Йорке, — он аккуратно сложил три катушки Kodak в маленькую железную коробку. — Мы просто прячем это в стены, в надежде, что никто не догадается содрать старые обои.

Он подошел к стене, где за панелью шкафа зияла пустота, и бережно опустил коробку внутрь.

— Пусть подождет того, кто сможет ее прочесть. Спустя тридцать лет или триста. Правда — это единственное, что в этом городе не умеет умирать.

Снаружи завывала сирена, разрезая ночную тишину Квинса. Человек со шрамом чиркнул спичкой, прикурил сигарету и глубоко затянулся. Огонек на мгновение осветил его лицо — точь-в-точь такое же, каким оно будет в апреле 2026-го у дверей городского морга.

Он не старел. Он просто ждал экспозиции.

Глава 1.

Запах формалина и хлорки был для Джулианы самым честным запахом в Нью-Йорке. Он не пытался казаться чем-то другим, в отличие от приторного парфюма Таймс-сквер или тяжелого духа метро, скрывающего страх и спешку восьми миллионов людей.

В городском морге на Первой авеню всегда стояла гулкая, «бетонная» тишина. Джулиана поправила ремень тяжелой камеры на плече. Её пальцы, привыкшие к холоду металлического корпуса, работали механически. Щелчок затвора, вспышка, ручная перемотка плёнки. Снова щелчок.

На секционном столе лежал мужчина средних лет. Для па-

тологоанатома это был «Джон Доу №402». Для Джулианы — композиция из теней, рваных краев раны на виске и неестественной бледности кожи, которая под светом ламп казалась почти синей.

— Сделай макро, Джул, — пробасил дежурный врач, не поднимая глаз от протокола. — Пулевой канал должен быть виден чётко. Нам ещё на суде эти снимки показывать, если парня опознают.

Джулиана придвинулась ближе. Через видоискатель мир казался более упорядоченным. Она не видела смерти — она видела текстуру, свет и экспозицию. Её рост позволял ей удобно нависать над столом, выбирая идеальный ракурс, чтобы запечатлеть то, что другие предпочли бы развидеть.

Щёлк.

Она любила свою работу именно за это: здесь всё было застывшим. Никто не уходил, не хлопал дверью, не менял показания. Мертвецы были самыми надёжными свидетелями в этом хаотичном городе.

Закончив серию, Джулиана отошла к раковине. Вода обожгла кожу холодом.

— Я закончила. Поеду в лабораторию, нужно проявить

это до утра, — бросила она, вытирая руки жестким бумажным полотенцем.

— Ты бы хоть на солнце иногда выходила, — вздохнул врач, снимая перчатки. — В твои двадцать пять пора по Центральному парку гулять, а не в подвале с негативами сидеть. Ты бледнее, чем наш «Джон Доу».

— В парках слишком много лишнего шума, — коротко ответила она, закидывая кофр на плечо.

Выйдя на улицу, Джулиана глубоко вдохнула ночной воздух Манхэттена. Конец апреля в Нью-Йорке был коварным: влажный ветер с Гудзона пробирал до костей. Она плотно запахнула полы своего длинного кожаного плаща и направилась к метро.

В кармане лежал ключ от квартиры в старом доме в Ист-Виллидж, которую она сняла всего неделю назад. Квартира была странной: узкие коридоры, скрипучий паркет и слои старой краски на стенах. Но именно там, за отслоившейся панелью в стенном шкафу, она сегодня утром нашла ту самую железную коробку.

Три катушки плёнки Kodak. Без подписей. Без дат. Забытые кем-то в десятилетиях между эпохой гранжа и цифровым веком.

Джулиана чувствовала странный зуд в кончиках пальцев.

Ей казалось, что эти плёнки ждут именно её — мастера проявлять скрытое. Она ещё не знала, что через пару часов, когда она погрузит первую полоску целлулоида в проявитель под красным светом лампы, из темноты на неё посмотрит лицо, которое заставит её сердце пропустить удар.

Лицо мужчины, который прямо сейчас стоял в тени дома через дорогу от входа в морг, небрежно прислонившись к стене, и провожал её взглядом сквозь дым сигареты.

Глава 2.

Метро в три часа утра — это чистилище. В вагоне линии L было пусто, если не считать спящего бездомного в дальнем конце и тусклого мерцания ламп, которые гудели в унисон с ритмичным стуком колес. Джулиана сидела, вжавшись в пластиковое сиденье, и её отражение в темном окне напротив казалось ей чужим.

Она чувствовала взгляд. Не тот липкий взгляд пьяного прохожего, к которым привыкаешь в Нью-Йорке, а нечто другое — холодное, затылочное, как будто её держали в фокусе мощного объектива. Каждый раз, когда поезд притормаживал на станциях Гринвич-Виллидж, она всматривалась в платформу сквозь стекло. Пусто. Только косой дождь и бетон.

Но когда она вышла на Первой авеню и начала подниматься по лестнице, эхо её собственных шагов прозвучало на до-

лю секунды позже, чем должно было. Она остановилась. Эхо — нет. Где-то внизу, в глубине кафельного туннеля, кто-то тоже замер.

Джулиана не побежала — это было ниже её достоинства. Она просто ускорила шаг, крепче сжав кофр с камерой. Старый дом в Ист-Виллидж встретил её запахом плесени и сырого дерева. Она взлетела на четвертый этаж, вошла в квартиру и сразу заперла дверь на три замка.

Внутри стояла тишина, прерываемая лишь каплями дождя, бьющими в стекло. Джулиана не зажигала свет. Она стояла в прихожей, прислушиваясь к биению собственного сердца.

Пахнет дымом.

Едва уловимый, резкий аромат дорогого табака. Она не курила. Предыдущий жилец, судя по чистоте стен, тоже. Запах был свежим, словно кто-то только что потушил сигарету прямо здесь, в её коридоре.

Она осторожно прошла на кухню, где оборудовала свою временную лабораторию. Окна уже были заклеены черным полиэтиленом. Она включила красную лампу, и комната утонула в тревожном, кровавом полумраке.

Джулиана достала из шкафа железную коробку. Плёнки были на месте. Но когда она открыла крышку, её обдало холодом. Утром она положила катушки аккуратным рядом, «лицом» вверх. Теперь одна из них лежала на боку, а на внутренней стороне крышки виднелся свежий отпечаток пальца.

Тёмный, пачкающий, похожий на сажу или графит.

Её пальцы дрожали, когда она заправляла плёнку в бачок для проявки. Она работала в темноте, на ощупь, как делала тысячи раз. Время застыло. Десять минут в проявителе казались вечностью.

Когда Джулиана наконец достала мокрую ленту и поднесла её к красной лампе, она затаила дыхание. Первые кадры были мутными — улица, старые машины с квадратными фарами, вывески, которых больше нет в Нью-Йорке.

А затем появился он.

На негативе его лицо казалось белой маской с черными провалами глаз. Он стоял на фоне того самого морга, из которого она только что пришла. Та же стена, те же тени. Но на нем был узкий галстук и пальто, которые носили лет тридцать назад. На следующем кадре он смотрел прямо в объектив, и в его руке была зажата фотография.

Джулиана присмотрелась, щурясь в красном свете. На фотографии, которую он держал в руках на снимке тридцатилетней давности, была запечатлена она сама. В этом самом кожаном плаще. Сегодняшняя.

В этот момент тишину квартиры разрезал звук.

Тук. Тук. Тук.

Три размеренных, уверенных удара в дверь. Не звонок, не крик. Просто костяшки пальцев о старое дерево.

Джулиана застыла с мокрой плёнкой в руках. Она знала, что за дверью нет глазка. И знала, что не спрашивала «кто

там».

— Джулиана, — раздался приглушенный голос, от которого по её коже поползли мурашки. Голос звучал так, будто они расстались всего пять минут назад. — Ты засветишь кадр. Выключи лампу.

Она не должна была этого делать. Каждый инстинкт самосохранения, отточенный годами жизни в Нью-Йорке и месяцами работы среди мертвецов, кричал ей: «Беги». Но любопытство фотографа — это болезнь, которая сильнее страха. Если в видоискателе появляется идеальный кадр, ты нажимаешь на спуск, даже если в следующую секунду мир взлетит на воздух.

Джулиана медленно положила мокрую плёнку в кювету с закрепителем. Красный свет превращал её руки в окровавленные кисти хирурга. Она вышла из кухни, стараясь не шуметь, хотя половицы под её ногами предательски стонали.

У двери она замерла. Между ней и тем, кто стоял снаружи, было всего пять сантиметров разошедшегося дуба и три стальных замка.

— Откуда ты знаешь моё имя? — её голос прозвучал на удивление твердо, хотя в груди всё сжалось в тугой узел.

За дверью воцарилась тишина. Она была настолько плотной, что Джулиане показалось, будто она слышит, как тлеет его сигарета.

— Я знаю его дольше, чем ты сама, Джул, — ответил го-

лос. В нём не было угрозы — только странная, надломленная нежность, которая пугала больше любого крика. — Открой. Ты ведь уже видела снимки. Ты знаешь, что я не чужой.

Джулиана прикусила губу. Её пальцы коснулись первого замка. Металл был ледяным. Она повернула ключ. Один щелчок. Второй. Третий.

Она потянула ручку на себя.

Коридор подъезда был залит тусклым желтым светом мигающей лампы. Он стоял именно так, как она себе представляла: высокий, в темном пальто, которое казалось слишком классическим для этого района. Его лицо было бледным, с резкими скулами и глазами цвета грозового неба над Гудзоном.

Он был чертовски похож на человека с плёнки, но время всё же оставило на нём свой отпечаток — пара едва заметных морщинок у глаз и взгляд, в котором читалась усталость длиной в вечность.

— Ты опоздал на двадцать лет, — прошептала она, сама не понимая, откуда взялись эти слова.

Мужчина едва заметно улыбнулся и сделал шаг вперед, нарушая границы её личного пространства. Вблизи от него пахло дождем, старой бумагой и тем самым табаком.

— Для этого города времени не существует, — он заглянул ей через плечо в полумрак квартиры. — Ты всё-таки нашла их. Коробку. Я боялся, что новые жильцы просто выкинут её во время ремонта.

Он прошел внутрь, не дожидаясь приглашения, словно всё ещё считал эту квартиру своей. Или их общей. Джулиана не остановила его. Она закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, глядя, как он уверенно ориентируется в темноте.

— Кто ты? — спросила она. — И почему на снимках, сделанных до моего рождения, я выгляжу так же, как сегодня утром?

Марк (теперь она была уверена, что это Марк) остановился у входа в кухню. Красный свет из лаборатории падал на его лицо, разрезая его пополам — одна сторона в тени, другая в кровавом сиянии.

— Есть вещи, Джулиана, которые нельзя объяснить словами. Их можно только проявить. Как ту плёнку, что сейчас мокнет в твоей ванночке.

Он повернулся к ней, и его взгляд стал тяжелым, почти осязаемым.

— Но прежде чем мы продолжим, ты должна вспомнить одну вещь. В ту ночь, в 1998-м, когда был сделан последний кадр... Ты сама просила меня стереть всё. Ты сама выбрала забыть.

Джулиана почувствовала, как в затылке начинает пульсировать тупая боль. В памяти вспыхнул короткий образ: ослепительная вспышка камеры, холодный ветер на крыше и чьи-то руки, сжимающие её плечи.

— Я не могла просить об этом, — выдохнула она. — В девяносто восьмом мне было пять лет!

Марк подошел к ней вплотную. Его рука, затянутая в черную кожаную перчатку, медленно поднялась и коснулась её щеки. Холод кожи перчатки обжег её не хуже льда.

— В Нью-Йорке, Джулиана, время течет не по прямой. Оно идет кругами, как бороздки на виниловой пластинке. И мы с тобой только что снова поставили иглу в начало трека.

Он наклонился к её уху, и его шепот заставил её вздрогнуть:

— Иди на кухню. Достань плёнку. Посмотри на последний кадр. И скажи мне, кто на самом деле держит нож.

Джулиана чувствовала, как воздух в прихожей становится густым, как непроявленная эмульсия. Марк не двигался, он замер в сантиметре от неё, превратившись в монолитную тень. Его слова о ноже пульсировали в её висках в такт той самой головной боли.

Она оттолкнулась от двери и, не глядя на него, почти пробежала на кухню. Красный свет теперь казался не защитным, а тревожным, как сигнал тревоги на тонущем корабле.

Джулиана подошла к кювете. Пальцы, всё ещё влажные от химикатов, нырнули в холодную жидкость. Она вытянула кончик плёнки и медленно повела её перед глазами, пока не дошла до финальных кадров.

Последний кадр

На снимке не было Марка. И не было Нью-Йорка девяностых.

На последнем кадре, сделанном в безупречном качестве, была запечатлена она сама — Джулиана. Но не спящая и не улыбающаяся.

Она стояла в той самой прозекторской морге, где была всего час назад. На секционном столе под её руками лежало тело. Нож — длинный, хирургический скальпель — был погружен в грудную клетку по самую рукоятку. Её лицо на фото выражало не ужас, а странное, отрешённое спокойствие, как будто она выполняла самую обычную работу в мире.

Но самое страшное было в углу кадра. Там, в отражении кафельной плитки, виднелись часы на стене морга.

Стрелки показывали 3:45.

Дата на электронном табло под часами: 30 апреля 2026 года.

Джулиана взглянула на свои наручные часы.
3:42.

— Этого не может быть... — выдохнула она. — Это монтаж. Ты подбросил это.

— Плёнка не лжёт, Джулиана. Она просто фиксирует свет, который уже случился, — раздался голос Марка прямо за её спиной. Он вошел в кухню бесшумно. — Ты думаешь, что работаешь в морге, потому что тебе нравится тишина. Но ты здесь, потому что это единственное место, где ты можешь контролировать последствия того, что ты делаешь в «провалах» своей памяти.

— О чем ты говоришь? Какие провалы? — она резко

обернулась, выставив перед собой мокрую ленту плёнки, словно это могло защитить её.

— Ты называешь это мигренью. Сильной головной болью, после которой ты засыпаешь на несколько часов, — Марк сделал шаг к ней, его лицо в красном свете теперь казалось болезненно печальным. — Но ты не спишь. Ты «просыпаешься» в другом цикле. В девяносто восьмом я пытался тебя остановить. Я думал, что если заберу твои воспоминания на плёнку и спрячу их, ты станешь свободной. Я ошибся.

Он протянул руку и коснулся края кюветы.

— Через три минуты ты должна быть в морге, Джул. Но не в качестве фотографа.

— Но я здесь! Я стою перед тобой!

— Ты уверена? — Марк горько улыбнулся. — А теперь вспомни: ты действительно выходила из больницы? Или ты просто сфотографировала свой выход и заснула в кабинке для проявки?

Джулиана почувствовала, как пол под ногами начинает вибрировать. Звук метро, который она слышала в своей голове, стал оглушительным. Красный свет лампы начал мигать, сливаясь в одну сплошную вспышку.

Глава 3.

Джулиана замерла, сжимая в пальцах скользкую ленту плёнки. Слова Марка о «циклах» и «провалах» бились в её

сознании, как птицы в запертой клетке. Она закрыла глаза, пытаясь нащупать опору. Ей нужно было вспомнить всё. Не кадры на целлулоиде, а саму себя.

В её памяти жизнь всегда была похожа на серию аккуратных разложенных контрольных отпечатков.

Юность в пригороде Нью-Джерси. Постоянное чувство отчужденности. Пока другие девчонки в школе обсуждали блеск для губ и парней из футбольной команды, Джулиана пряталась в школьной темной комнате. Там, среди запаха уксуса и тиканья таймера, она чувствовала себя богом. Она любила момент, когда пустота превращалась в смысл. Но уже тогда были странности — «белые пятна». Она могла прийти в школу в понедельник, а очнуться в среду, не помня, как провела два дня. Врачи списывали это на стресс и переходный возраст. «Переутомление», — говорили они, выписывая таблетки, которые она тайком смывала в унитаз.

Учеба в Колумбийском. Она была лучшей на курсе криминалистической фотографии. Профессора восхищались её способностью видеть детали, которые упускали опытные детективы. Она не просто снимала улики — она чувствовала геометрию преступления. Её курсовая работа «Эстетика распада» до сих пор висела в галерее факультета. Но именно в университете мигрени стали невыносимыми. Острые, как лезвие бритвы, они приходили вместе с запахом жженого сахара. После них она находила в своей сумке вещи, которые не покупала: старые монеты, чьи-то ключи, обрывки писем

на пожелтевшей бумаге.

Практика в полицейском бюро. Это было время холодного кофе и бессонных ночей. Манхэттен в её объективе всегда выглядел как место, которое хочет тебя убить. Она помнила свой первый вызов: грязный переулок в Адской Кухне. Пока детективы ворчали о бумажной волоките, Джулиана смотрела на жертву и чувствовала странное дежавю. Ей казалось, что она уже видела этот узел на веревке, этот угол наклона головы. Она работала как одержимая, фиксируя каждый сантиметр реальности, словно пытаясь доказать самой себе, что этот мир — настоящий, а она — его часть.

«Я — Джулиана», — твердила она себе сейчас, стоя в красном полумраке кухни. «Мне двадцать пять. Я живу в Ист-Виллидж. Я работаю на город. Я реальна».

Но чем глубже она ныряла в свои воспоминания, тем сильнее они казались... сконструированными. Как будто кто-то аккуратно склеил её биографию из удачных дублей, вырезав всё лишнее. Где её родители? Почему она не может вспомнить лицо своей первой любви? Почему её прошлое обрывается на отметке пятилетней давности, а всё, что было раньше — лишь набор статичных картинок, похожих на иллюстрации в учебнике?

Она вспомнила, как месяц назад нашла эту квартиру. Ей не нужно было объявление. Она просто шла по улице, и её ноги сами привели её к этому дому. Ключ под ковриком подошел идеально, хотя арендодатель клялся, что сменил зам-

ки вчера.

Джулиана открыла глаза. Красный свет лампы мигнул.

Марк всё ещё стоял рядом. Его присутствие не ощущалось как угроза — скорее как старый шрам, который начинает ныть перед дождем.

— Моя жизнь... — её голос сорвался на шепот. — Она вся состоит из этих проявленных кадров, да? Если я чего-то не сфотографировала, этого не было?

— Твоя память — это плёнка, Джул, — тихо ответил Марк. — Но кто-то постоянно засвечивает её раньше, чем ты успеваешь закрепить изображение.

Она снова посмотрела на последний кадр. Часы. 3:45. Взгляд Джулианы упал на свои руки. На её правом запястье, под рукавом плаща, виднелось темное пятно. Она закатала рукав.

Это был не химикат. Это была свежая, еще не успевшая засохнуть кровь. И её было слишком много для простой царапины.

— Если я сейчас в морге... — она подняла глаза на Марка, и в них отразился первобытный ужас. — То кто же тогда стоит здесь, перед тобой?

Глава 4.

Тишина была не отсутствием звука, а его абсолютным пределом. Джулиана не упала — она просто перестала суще-

ствовать в пространстве, где есть верх и низ.

Щёлк.

Запах хлорки. Резкий, честный, стерильный.

Джулиана открыла глаза. Она стояла в городском морге на Первой авеню. В руках — тяжелая камера, пальцы механически перематывают плёнку.

— Сделай макро, Джул, — пробасил дежурный врач, не поднимая глаз от протокола. — Пулевой канал должен быть виден чётко.

Дежавю ударило под дых сильнее, чем физическая боль. Она уже слышала это. Она уже была здесь. Секунду назад она смывала кровь в своей ванной, а Марк шептал ей об исчезающей истине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.